

вания драматургами XVIII в. летописных и других документальных материалов в процессе обработки исторических сюжетов содержится в цикле работ В. А. Бочкарева, посвященных специально этой проблеме.¹⁰

Но при таком подходе историософский аспект содержательной основы пьес ускользает от внимания исследователей. Раскрытие связи между оформлением драматургических замыслов и историографической традицией эпохи в подобных трудах носит в основном чисто внешний, точнее, констатационный характер. За пределами внимания исследователей оставалась проблема корреляции исторического времени, запечатленного в используемом источнике, с тем уровнем осмысления прошлого, который был единственно доступен авторам XVIII века.

Другой путь исследования исторических основ русской трагедии XVIII в. предусматривает уловление связи используемых в пьесах исторических сюжетов с современностью. Методологически такой подход вытекает из повышенного внимания к политико-морализирующей функции драматического действия, основанной на несомненном дидактизме художественного сознания эпохи. Дидактическое истолкование природы драматического конфликта в трагедиях русского классицизма, о чем мне не раз уже приходилось писать, определяло во многом и особый характер понимания истории драматургами. Но абсолютизация учительного пафоса трагедий приводит к такому положению, когда истории отводится роль подсобного материала, на котором решаются сугубо практические вопросы внутренней политики. Здесь находит объяснение имеющая место в литературоведении тенденция рассматривать исторический материал трагедий всего лишь как фон, как удобное средство для наставления монархов или для сокрытия аллюзий, отражающих современную драматургам политическую действительность. Наиболее показательным примером такого подхода могут служить работы Е. А. Касаткиной, посвященные анализу трагедий Ломоносова и Сумарокова.¹¹ Правомочность такого подхода в целом, учитывая специфику метода того же Сумарокова-драматурга, нельзя отрицать. Наличие политических аллюзий в трагедиях этого автора, в частности в «Гамлете» и «Димитрии Самозванце», в свое время довольно успешно продемонстрировал В. Н. Всеволодский-Гернгросс в статье «Политические идеи русской классицистической трагедии».¹² Однако на обозначенном уровне истолкования функции истории в трагедиях русского

¹⁰ См.: Бочкарев В. А. 1) У истоков русской исторической драматургии: Учебное пособие. Куйбышев, 1981; 2) Русская историческая драматургия второй половины XVIII века. (Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков): Учебное пособие. Куйбышев, 1982; 3) Русская историческая драматургия последней трети XVIII века: Учебное пособие. Куйбышев, 1985.

¹¹ См.: Касаткина Е. А. 1) Сумароковская трагедия 40-х — начала 50-х годов XVIII века // Учен. зап. Томского пед. ин-та. 1955. Т. XIII. С. 213—261; 2) Полемиическая основа трагедий Ломоносова «Тамира и Селим» и Тредиаковского «Деидамия» // Учен. зап. Томского пед. ин-та. 1958. Т. XVII. С. 122—136.

¹² О театре: Сб. статей. Л.; М., 1940. С. 106—133.